

Анастасия Дробина

ПОДЗЕМНОЕ СОЗВЕЗДИЕ

ЧЕРНЫЙ КОТЕНОК

Черный котенок (Эксмо)

Анастасия Дробина

Подземное созвездие

«Эксмо»

2015

УДК 821.161.1-053.2
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

Дробина А. В.

Подземное созвездие / А. В. Дробина — «Эксмо»,
2015 — (Черный котенок (Эксмо))

У некоторых людей очень скверный почерк. Но если уж взялся рисовать план – то, будь добр, сделай понятные пояснения! Именно так считает Юлька Полундра. Она и ее друзья с трудом разобрали каракули на таинственной записке, найденной среди древнего хлама. Но когда разобрали... то поняли: у них в руках настоящее сокровище – карта старинного подземелья. Теперь надо найти вход, подготовиться и отправиться в путь за тайнами подземной Москвы!

УДК 821.161.1-053.2
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

© Дробина А. В., 2015
© Эксмо, 2015

Содержание

Конец ознакомительного фрагмента.

24

Анастасия Дробина

Подземное созвездие

© Дробина А., 2015

© Оформление. ООО «Издательство «Эксмо», 2015

* * *

– Держи-держи-держи!!! Девчонки, ловите его! Падает, на меня падает! А-а-а-а!!!

Огромный шкаф накренился и рухнул. Столб пыли взметнулся до потолка. Раздался дружный вопль. Громче всех орала Юлька Полундра, которую чуть не до самой макушки засыпало книгами, журналами и бумагой. Подруги, Белка и Натэла, кинулись к ней:

– Юлька! Ты с ума сошла! Как ты его на себя опрокинула-то?! Ты живая?! По голове не стукнуло?!

– С-стукнуло... – прошипела Полундра, садясь на полу и почесывая встрепанную рыжую шевелюру. – У-у, зараза... Тыщу лет стояла не шевелилась! А как я прикоснулась – так сразу и...

– Мебель тысячу лет не живет, – авторитетно заявила Натэла. Юлька в ответ гневно чихнула, подняв облако пыли.

– Это чего тут у вас? – в дверь просунулись встревоженные физиономии Атаманова и Батона.

– На Юльку книжный шкаф рухнул! – сердито пояснила Белка. – Я вам говорила – сначала надо вещи выбрасывать, а потом уже стены долбить! А вы в соседней комнате молотком забухали, шкаф затрясся и...

– Складывайте все на носилки! – распорядился Атаманов. – Мы с Андрюхой сразу начнем на помойку таскать.

– погоди, это же книги все-таки... – засомневалась Натэла. – Кажется, старые... Может, сначала Солу Борисычу позвонить?

– Так мы до лета не закончим! – рассердился Атаманов. – А Пашка велел побыстрей!

– Вот пусть сам побыстрей и делает, когда из универа придет, – холодно заметила Натэла. – А хорошие вещи на помойку вынести большого ума не надо. Белка, звони Солу Борисычу – пусть приедет посмотрит!

Полундра и компания разгребали горы мусора в пустой квартире уже четвертый час, тратя на это драгоценное время каникул. На улице, впрочем, все равно стояла слякоть и сыпал дождь со снегом: весна запаздывала. А дело не терпело отлагательств. Со дня на день здесь, на Солянке, должна была открыться компьютерная фирма «Сетевые корсары». Фирму организовал Юлькин старший брат Пашка Полторецкий – компьютерный гений, известный всей Москве хакер и студент мехмата МГУ.

На втором курсе университета Пашка создал несколько компьютерных программ, которые моментально были раскуплены заинтересованными лицами, и у него зародилась мысль о собственной фирме. Идея была хорошая, но на то, чтобы снять офис в Москве, ни у Пашки, ни у его друзей-программистов не было денег. «Корсары», впрочем, не унывали. Они работали у себя по домам над новыми программами, между делом подыскивали клиентов и надеялись на улыбку удачи.

А в конце зимы умер дальний родственник семьи Полторецких. Лев Венедиктович Скобин был известным историком и искусствоведом, когда-то преподавал в Московском университете. По написанным им учебникам до сих пор учились студенты. Скобину было больше ста

лет, он обитал один в маленькой квартире, в окружении книг и рукописей. Его дети, внуки и правнуки жили в Америке. Когда старый профессор умер, оказалось, что заниматься освободившейся квартирой в Москве некому и некогда. И Пашка Полторецкий понял, что это его шанс. Он дозвонился до заграничных родственников и предложил им свой план: они с друзьями приводят квартиру в порядок, делают ремонт, оборудуют в ней офис компьютерной фирмы и регулярно перечисляют в Нью-Йорк арендную плату. Такое решение устроило всех, и бумаги оформили быстро.

Так и вышло, что в первый день весенних каникул Юлька Полундра и ее друзья стояли на пороге профессорской квартиры и с ужасом смотрели на горы пыльного мусора, которые они опрометчиво пообещали Пашке разгрести в два счета. Столько грязи Юлька не видела ни разу за всю свою жизнь даже в собственной комнате. Пашка заглянул в квартиру через плечо сестры, присвистнул, поспешно пообещал: «Шелупонь, с меня два ведра мороженого и цистерна кока-колы!» – и смылся в университет.

– И чтоб вернулся к обеду! – злобно проорала Юлька ему в спину. – Мы не будем без тебя мебель на помойку таскать! Халявщик!

Ответом ей был бодрый хлопок входной двери. Полундра горестно посмотрела на друзей. Было очевидно, что одним днем работы тут не обойдется.

– Ничего, управимся! – бодро сказал Андрюха Батон, сбрасывая куртку. – Всего делов-то – хлам вынести! Вот мы с дедом летом сарай строили – это было да! А тут... Ломать не строить! Берись, братва!

Работа закипела. Поскольку квартира Скобина находилась на первом этаже, носить мусор на помойку было нетрудно. Атаманов и Батон раздобыли деревянные строительные носилки, на которые полетели книжные переплеты, банки с засахарившимся еще в прошлом веке вареньем, связки газет, пахнущая плесенью и погрызенная молью одежда и битая посуда. Девчонки, переодевшись в рваные майки и старые тренировочные штаны, принялись разгружать полки и шкафы. Пыль стояла столбом, и вскоре квартира наполнилась дружным чиханием.

– С ума сойти можно! – возмущалась Полундра. – Жил один старик – а загажено так, будто стая бомжей тусовалась! Как это можно было в одиночку так... пчихи... все... пчихи... усвинячить?! Да тут противогаз нужен! А-а-апчихи!!!

– Вах, перестань! – взмолилась Натэла, двигая шваброй за диваном. – Замотай голову, что ли! От тебя еще больше пыли становится! И старик тут ни при чем! Это родственники виноваты, что его бросили и не помогали! Как это можно – старого человека оставлять совсем одного?! У меня троюродная прабабушка Кэто в Тбилиси живет одна – так к ней каждый день кто-нибудь приходит! Дочки, невестки, внуки, правнучки – все! Еду готовят, убирают, лекарства покупают! А тут...

– Так твоя прабабка, наверное, человек нормальный! – обиделась Полундра. – А этот псих был! Никого к себе не пускал – ни чужих, ни родственников! Даже дверь им не открывал, через цепочку разговаривал! Только с дедом моим общался, и то раз в полгода! Чего боялся – не знаю!

– Может, он очень богатый был, этот ваш Лев Венедиктыч? – предположила Белка Гринберг, волоча из соседней комнаты гору отвратительно пахнущих подушек и одеял. – Боялся, что... ну... украдут что-нибудь? У меня вот тетя Римма полный дом народу приглашает на день рождения, а когда все уйдут – сразу бежит ложки серебряные считать! И каждый раз вопит, что половины серебра опять нету! И что это не день рождения, а сплошные убытки! И что у нее не родственники, а...

– Белка, оглянись! – рявкнула Полундра. – Что тут красть?! Какие ложки?!

Юлька была права. Единственную ценность в квартире мог представлять громадный шкаф, доверху забитый книгами и бумагами. С виду он казался вполне устойчивым. Это и ввело в заблуждение Полундру, которая решительно воздвигла возле него стремянку и полезла

наверх, чтобы сбрасывать все с верхних полок. Но стоило ей прикоснуться к шкафу, как тот закричал, пошатнулся – и неуклонно начал заваливаться на Юльку. С оглушительным криком Полундра скатилась по стремянке на пол, а сверху на нее посыпались увесистые тома и связки бумаг. И теперь нужно было думать, что делать со всей этой макулатурой.

Отчим Белки, известный московский антиквар Соломон Борисович Шампоровский, едва услышав о шкафе, полном старых, пыльных, ни на что не годных книжек, примчался на Солянку через полчаса после звонка падчерицы. Квартира сразу же наполнилась возмущенными воплями:

– Варвары! Махновцы! Мародеры! Это же конец восемнадцатого века! «Житие преподобного Сергия Радонежского»... «Путешествие из Петербурга в Москву», первое издание, запрещенное! Вейсмир! «Руслан и Людмила», типография Николая Греча! Ой, мама дорогая, где только таких детей родят?! Почему вы мне сразу не позвонили?! Я бы приехал с грузовиком и... Как можно так обращаться со старинными книгами, юные погромщики?!

– Мы не погромщики, дядя Шлема, – обиженно сказала Натэла, незаметно отталкивая ногой в угол пачку бумаг в кожаной папке, которые Атаманов разложил на пороге квартиры, чтобы вытирать ноги. – Мы сразу же вам позвонили, как только... как только начали разбираться. И Юльку, между прочим, чуть не убило этим шкафом!

– К шкафу вообще не прикасаться! – велел Шампоровский, жадно оглядывая комнату разбойничьими черными глазами. – Кажется, это Гамбс¹... Или даже Свирский²... И вообще, уйдите отсюда, только перепортите все! Я сам! На помойку уже унесли что-нибудь, изверги?

– Парни с носилками уже раз пятнадцать сходили... – опрометчиво сказала Белка. Соломон Борисович издал короткое бульканье, вскочил и ринулся к дверям. Через пять минут девочки, прильнув к окнам, наблюдали за тем, как Шампоровский буром зарывается в дворовую помойку.

– Ужас... – вздохнула Белка. – Мама говорит, что это почти болезнь. Он вообще-то классный, но как только до старого хлама доходит...

– Чем бы дите ни тешилось, лишь бы не вешалось! – утешила ее Полундра. – Натэлка молодец, что бумажки задвинула! Зачем человека лишний раз расстраивать? Дай сюда, я потом потихоньку выкину!

– А вдруг это тоже что-то ценное? – усомнилась Натэла, глядя на стопку серой мелко исписанной бумаги в вишневом потрескавшемся переплете. – Может, лучше показать?..

– Что тут ценного?! Макулатура! Тем более мы об нее ноги вытирали! С Солом Борисычем инфаркт будет! Давай сюда, спрячу... – Юлька, морщась, свернула старую бумагу вместе с переплетом и сунула в свой рюкзак.

После обеда прибыл Пашка с друзьями. К этому времени Шампоровский уже собрал скобинские книги в пять высоченных стопок, загрузил их в свою «Мазду» и отбыл домой, пообещав вечером вернуться за шкафом-инвалидом. «Юные погромщики» тоже не теряли времени: вынесли на помойку остатки мусора, оттерли окна и ободрали со стен старые обои. Когда Пашка вошел в квартиру, Юлька и компания стояли у обнажившейся стены, которая раньше была загорожена злополучным шкафом. В серой штукатурке четко обрисовывалась... дверь. Без замка и замочной скважины.

– Это что у вас тут, шпана? – поинтересовался Пашка. – Буратино и золотой ключик? Потайная дверца?

– Ключика нет, – серьезно ответил Батон. – А дверца есть. И не открывается. Как же ее запирали-то? А куда ведет? К соседям, что ли? Зачем?

---

¹ Гамбс Генрих Даниэль – известный мебельный мастер, работавший в Петербурге в конце XVII – начале XIX в.

² Свирский Николай Федорович – мебельный мастер, работавший в Москве в конце XIX века. С 1894 года – поставщик российского императорского двора.

– Да какая разница! – отмахнулся Пашка. – Дом старинный, еще при царе строили, дверей много! Может, к соседям, может, на лестницу... Вообще черт с ней! Ну что, шелупонь, – молодцы! Объявляю благодарность!

– Благодарностью сыт не будешь, – здраво заметила младшая сестра. – Где мороженое?

– Дома, в холодильнике. Езжайте, мы тут сами закончим. Давайте бегом, еще вечером в кино на «Галактических вампиров» успеете!

– И «Барсы Нью-Йорка» на каникулах на час раньше начинаются! – напомнил Атаманов. Этого было достаточно, чтобы Полундра взвыла дурным голосом и, сорвав с вешалки куртку и рюкзак, вылетела из квартиры. За ней помчались остальные.

Через полчаса вся компания сидела у Юльки дома перед телевизором и лизала шоколадное мороженое, передавая друг другу огромную бутылку кока-колы. В холодильнике лежала еще целая гора пломбира. На экране геройствовал суровый агент Тайгер, гроза нью-йоркских бандитов и кумир Полундры. Вечером в кинотеатре шел последний сеанс «Галактических вампиров», впереди была целая неделя каникул, и жизнь казалась прекрасной.

Лишь вернувшись из кино, Полундра вспомнила о пыльных бумагах в своем рюкзаке. В мусорное ведро на кухне вишневая папка не лезла, как Юлька ни старалась. Спускаться в потемках к дворовой помойке было нечеловечески лень. В конце концов Юлька закинула папку на книжную полку, рухнула в постель и через пять минут уже спала мертвым сном.

Две недели спустя, в субботу 15 апреля, грянул Полундрин день рождения: четырнадцать лет. В тот же день отмечал юбилей и Юлькин дед, генерал в отставке, преподаватель Военной академии Игорь Петрович Полторецкий. Большая квартира на Восточной была полна народом с раннего утра. Съехалась вся огромная семья Полторецких. Прибыли курсанты и преподаватели из Военной академии. Пришла актриса Театра драмы – знаменитая Нино Мтварадзе, бабушка Натэлы. Вместе с бабушкой явился целый клан Мтварадзе с кучей кавказской еды – от бараньего шашлыка до виноградной чурчелы. Друзья Полундры прибыли после обеда. Апрельский день выдался теплым, почти жарким, и все двери и окна в квартире были открыты настежь. Гости сидели, ходили, стояли, разговаривали и смеялись. На кухне стоял дым коромыслом. Несчастливая кошка Мата Хари забилась на шкаф с куском колбасы в зубах и сверху мрачно озирала творящееся безобразие.

В три часа дня из подъезда кубарем выкатился Андрюха Батон с пакетом в руках. Он должен был встретить у метро свою девушку, мулатку Терезу. Батон уже опаздывал, а Тереза была так красива, что ее нельзя было оставить одну у метро даже на минуту. А еще нужно было купить в булочной шесть буханок: Юлькина мать обнаружила, что бутербродов катастрофически не хватает. Поэтому Батон неся как на пожар и чуть не сбил с ног смугловатого парня в камуфляжной куртке:

– Извини... в поворот не вписался!

– Фигня, – парень посмотрел на открытые окна квартиры Полторецких, из которых на весь двор разносились смех и музыка. – Слушай, там что – свадьба?

– Не, дняха! Даже две сразу!

– У Полторецких?

– Ну да. Ты тоже туда? К Игорю Петровичу? Из Академии, что ли?

– Ага. Ну, будь здоров. На поворотах давай осторожнее!

Парень вошел в подъезд, и Батон, тут же забыв о нем, помчался дальше.

Терезу никто не успел похитить: стоя у журнального киоска, она весело болтала с продавцами шаурмы. Свирепо сопя, Батон взял Терезу за руку и повел в булочную.

В квартиру они вернулись как раз вовремя: Натэла зажигала свечи на огромном торте. Под аплодисменты друзей Полундра набрала воздуха и дунула так, что на торте произошло землетрясение и часть сливочного крема оказалась на экране новенького компьютера. Не

выдержав такого торнадо, разом погасли все свечи, и радостная Юлька призналась друзьям, что желание у нее на этот раз что надо!

– Сбудется обязательно! – заверила Натэла, аккуратно счищая пальцем крем с монитора. – Давай, дорогая, разрежай! С днем рождения тебя, долгих лет, счастья, удачи, здоровья – и жениха хорошего!

– Жениха себе оставь! – отмахнулась Полундра. – А я в армию пойду! В элитные десантные войска! Меня дед обещал по благу пристроить, если медкомиссию пройду! Военную династию продолжу! А то у Пашки одни компьютерные схемы в голове!

– Ва-ах... – простонала Натэла. Остальные девчонки захихикали, но никто из близких друзей именинницы не удивился. Все знали страсть Полундры к героическому образу жизни. Юлька разрежала торт на большие куски, в стаканах жизнерадостно запузырилась кока-кола, Атаманов включил музыку – и праздник начался.

На следующее утро в квартире Полторецких производилась послепраздничная уборка. Натэла на кухне мыла бастионы посуды. Белка жужжала пылесосом в коридоре. Невыспавшаяся Полундра с пластиковым пакетом в руках мрачно обзревала завалы из смятых салфеток, фантиков, упаковок от чипсов и пустых бутылок из-под кока-колы. Настроение у нее было отвратительное: старший брат, пообещавший вчера принять участие в уборке, с раннего утра смылся в офис.

– Лишь бы свалить... – бухтела Юлька. – Дела у него, видите ли! Это в воскресенье-то! Что угодно выдумает, лишь бы не помогать! А сам вместе с Сонькой уехал! Вот будет у него зимой днюха, я тоже пальцем не пошевелю! Это же надо было такое развести! Здесь не пакет, а комбайн нужен! Или лопата хотя бы! В следующий раз, честное слово, в пиццерии буду днюху отмечать!

В комнату, гремя пылесосом, вошла Белка:

– Ну, что тут у тебя? Можно уже пылесосить? Из-под кровати тоже все вытащила? Юлька, ты вообще где?!

– Погоди... – придушенно раздалось из-под кровати. – Тут лужа какая-то... Колой пахнет... Фу-у, и мороженое растаяло... Кто это вчера под кроватью эскимо забыл? Нет, тут тряпка нужна! А это еще что такое?!

Полундра вылезла из-под кровати, вытирая руку, измазанную мороженым, о футболку. В другой руке у нее был смятый желтый конверт. Пожав плечами, Юлька бросила его в пакет.

– Подожди! Вдруг это нужное что-то! – Белка осторожно, двумя пальцами выудила конверт из мусора. – Наша Соня один раз ключи от маминой машины во время уборки выбросила! Ой, что было! Мы с ней все мусорные ящики во дворе перебрали, пока нашли!

– Так то ключи! А это бумажень какая-то... – возразила Юлька, но все же положила конверт на стол и разглядела его ладонью. – Это не мое!

– Какой странный конверт... – растерянно сказала Белка. – Гляди, бумага старая! И желтая! И сам он большой и жесткий! А что на нем написано? Господину И.Я. Отел... Отец... Отецешкому, кажется! Москва... Больше ничего не разобрать! А штамп почтовый есть?

– Стерся, – Полундра повертела конверт. – И письма внутри нет, конверт один. Смотри, он тут сбоку чем-то коричневым залит! Чай, что ли, или кофе? – она хихикнула: – Пятно какое прикольное – на байкера похоже!

Белка тоже приснула: большое пятно на краю конверта в самом деле смахивало на волосатого байкера, несущегося на мотоцикле: видна была даже грязь из-под его колес в виде мелких коричневых пятнышек.

– Натэлка, Натэлка, иди к нам! Смотри, что мы нашли!

С кухни, вытирая руки полотенцем, пришла Натэла. Увидев конверт, она нахмурилась:

– Это совсем старая вещь! У моей бабушки есть письма режиссера Таирова, сохранились от ее мамы, семейная реликвия. Так они такие же! А это еще в тридцатых годах было!

– В тридцатых годах?! – ахнула Полундра. – Откуда у меня здесь такое? Вообще, девчонки, кто у меня вчера в гостях был? Наши все, Пашка с Соней... Аникина, Левашова и Ивченко из класса... Пехтерев и Сазонова с моего карате... Тереза... Твой, Белка, Роман, вы с ним раньше всех домой ушли... И все! У них откуда такие конверты?! Они с режиссером Таиривым не переписывались, точно!

– Здесь вообще вчера была куча народу! – пожала плечами Натэла. – И все ходили по квартире! Может быть, это не твоих гостей, а Игоря Петровича! А в твою комнату случайно залетело!

– Надо деду отдать, – решила Юлька. – Вернется из Академии – и пусть сам думает, из какого гостя раритет выпался. А мы будем дальше убираться. Я еще хотела сегодня новые ролики на бульварах обкатать!

Уборку закончили к обеду. Полундра с Белкой отволокли на помойку мешки с мусором, Натэла разогрела борщ и оставшуюся пиццу. Наспех поев и сполоснув посуду, девчонки начали собираться на бульвары. Белка достала мобильник и набрала номер старшей сестры.

– Я только Соне скажу, что я – гулять... Юлька, Пашке что-нибудь передать?

– Передай, что он свин вселенский и я с ним не общаюсь! – Полундра была обижена на брата. – А я еще как дура ему офис разгребала на каникулах! Чтоб еще хоть раз в жизни... Белка! Ты чего?!

Белка опустила телефон и круглыми от ужаса глазами уставилась на подруг:

– Соня говорит, что... что у Пашки офис на Солянке обокрали!

Полчаса спустя вся компания Полундры высыпалась из трамвая на углу Солянки и Глинищевского и понеслась вниз по переулку.

– Парни, идите домой... – пыхла Юлька на бегу. – Девчонки, и вы тоже... Пашка и так шас орать будет, что я всех притащила, а на фига? Что мы сделать сможем? Может, там... менты... уже... приехали...

Но никто ее не слушал. Атаманов и Батон, привыкшие к утренним пробежкам, неслись по тротуару ноздря в ноздю как орловские рысаки. Сзади едва поспевали нетренированные Белка с Натэлой.

Адрес Пашкиного офиса Юлька помнила хорошо – и все же едва узнала двухэтажный домик, стоящий в глубине старого двора-«колодца». Зазеленевшие кусты скрывали весь нижний этаж. На клумбочке под окнами вовсю пустили стрелки нарциссы и тюльпаны. Дореволюционный обшарпанный особняк выглядел принарядившимся и почти красивым.

Дверь на первом этаже с табличкой «Компьютерное агентство «Сетевые корсары» была открыта настежь.

– Пашка! Я приехала! Что тут у тебя?! – заорала Полундра.

– А я милую узнаю по походке! – раздался из комнаты ехидный и ничуть не расстроенный голос старшего брата. – И по голосу! Что ж ты так орешь, Юлька? Стены шатаются! Все путем...

– Как же «путем», если вас обчистили?! – Юлька кинулась в комнату, по пути уронив на Атаманова вешалку, поскользнулась на резиновом коврике и влетела головой в живот старшему брату. Пашка, рассмеявшись, поставил ее на ноги.

– А чего это ты радостный такой? – подозрительно осведомилась Юлька. – У вас что – имущество застраховано? И где полиция?

– Мы не стали вызывать, – из соседней комнаты появилась Соня Гринберг – старшая сестра Белки и невеста Пашки Полторецкого. – То есть я хотела, но Пашка сказал, что не нужно. Ничего не украли.

– Совсем?! Как это? Почему? А как же ты узнал, что... Ой, а что это с подоконником? И со стеной?!

Из распахнутого настежь окна с поднятой решеткой тянуло сквозняком. Подоконник и пол под ним были щедро заляпаны рыжей грязью. Рядом перекрученными макаронами валялись вырванные компьютерные провода. Одна из белых пластиковых панелей, заменяющих обои, была снята со стены и лежала на полу. Образовавшаяся дыра обнажала старую штукатурку.

– Дом-то, оказывается, деревянный был... – пробормотал Атаманов, подойдя и поковыряв сыплющуюся штукатурку пальцем. – Вон прямо бревна видны...

– В Москве все старые дома деревянные. Которые не дворцы, – машинально ответила Белка. – А здесь особенно.

– Почему это? – удивился Серега.

– Чем ты слушал на москвоведении? – высокомерно пожала плечами Белка. – Ведь нам даже презентацию задавали делать! Во-первых, приказ строить вместо деревянных домов каменные издали в конце девятнадцатого века. В самом конце! А этот дом гораздо старше. Во-вторых – здесь же Таганка!

– И чего?

– Ничего! Старый бедный ремесленный район! У кого тут на каменные дома деньги были?

– Точно! – вспомнил и Батон. – Мне бабка рассказывала, что Таганка вообще раньше называлась Вшивая горка!

– Швивая, – поморщившись, поправила Белка. – А улицы здесь как называются? Гончарная, Котельническая, Каменщики... Хоть когда-нибудь уроки учить будешь?!

– Гринберг, от большого ума мухи дохнут! – огрызнулся Атаманов.

– Не о том спорите, шелупонь, – перебил их Пашка. – Смотрите внимательно!

Пять пар любопытных глаз уставились на потрескавшуюся штукатурку. Первой ахнула Натэла:

– Тут же две-е-ерь! А мы забыли! Мы же ее еще в марте видели, когда стены от обоев обдирали!

– Там, за ней, пустота, – сообщил Пашка, постучав по дверце. Послышался глуховатый звук, посыпалась штукатурка. Дверца осталась неподвижной. Прямо под ней темнел огромный грязный след, повернутый каблуком к дверце.

– То есть это получается... – недоверчиво протянула Полундра.

– Получается, что из офиса ничего не взяли! – пожал плечами Пашка. – Кто-то вчера вечером... или ночью... вошел в офис через дверь...

– Почему не через окно? – деловито уточнила Юлька. – Вон все нараспашку!

– Потому, моя радость, что решетка оконная изнутри открывается! Снаружи ее даже взломать не вышло бы. Максимум – стекло разбить, но оно, как видишь, цело. Так что домущник наш вошел в дверь, снял со стола комп... Между прочим, очень аккуратно, гад, снял, ничего не сломал, все провода аккуратно отсоединил! Отодвинул стол, снял панель, тоже очень осторожно. Но, спрашивается, зачем?! Чтобы полюбоваться на эту дверку?! Он же ее даже открыть не смог!

– Почему? – удивился Атаманов.

– Потому что не за что! Ни ручки, ни замка! Ключ вставить не во что!

– Если нельзя открыть, то как тогда запирали? – резонно спросил Батон. Все замолчали и уставились друг на друга. Затем Пашка подошел и осторожно надавил на дверь. Та не подалась.

– Заперта же... – пробормотала Белка.

– Изнутри закрыто, значит? И ручка тогда тоже изнутри? Это что же получается: воры... ОТТУДА ПРИШЛИ?! От соседей? Как?! – покрутил пальцем у виска Атаманов. – Тогда бы им

и панель изнутри пробивать пришлось! А она культурно снята! И стол бы опрокинулся, если бы они его изнутри отодвигали!

– Да он бы и не отодвинулся просто, тут же провода! Они бы порвались! – подтвердила Полундра. – Нет, открывали отсюда и... Паш! А входная дверь взломана?

– То-то и оно, что нет! – Пашка, казалось, совершенно был сбит с толку. – Мы со Стасом уходили в пятницу вечером, заперли дверь... она и была заперта! Я смотрел, там никаких царапин вокруг замка нет. Значит, открыли родным ключом!

– Так, может, кто-нибудь из твоих дружанов заходил? – предположила Соня. – Стас или Максим? Что-то забыл, пришел в выходные забрать...

– ...и так стену изуродовал? – пожал плечами Пашка. – После того как мы эти панели сами четыре дня монтировали?! И свои кровные бабки за них заплатили?

– Парни могли случайно не захлопнуть за собой дверь, – пожал плечами Соня. – Вор или бомж какой-нибудь заметил, вошел...

– ...и ничего не взял? Даже «Ай-Маки» дорожные? Только панель зачем-то снял? И я еще в толк не возьму – зачем ему понадобилось через окно смываться, если дверь открыта была? – Пашка сердито кивнул на перепачканный подоконник. – Мог бы, свинусоид, хоть ноги вытереть... Кстати, ну и ножка у него! Глядите, какой след огромный остался!

– Сорок девятый «раздвижной»! – хихикнула Полундра, глядя на отпечаток огромной подошвы на подоконнике. – Ничего себе ботиночек...

– Где он только так испачкался? – вслух подумала Натэла, разглядывая глинистые следы на полу и подоконнике. – На улице совсем сухо, дождя уже недели две не было... Как будто нарочно старался!

– Я вообще ничего не понимаю! – Соня нахмурилась и посмотрела на Пашку. – Если дверь, как ты говоришь, открывали родными ключами, то у кого они могли быть? Ну, кроме тебя, Стаса и Макса?

– Да только у нас троих и были! – завопил Пашка. – Только Макс вообще уже неделю в Египте, с Надькой своей улетел в отпуск! Стасу стенку разкурочивать тоже незачем! Он ее и так при ремонте видел! Единственное, что может быть... – Пашка вдруг умолк и, сдвинув брови, глубокомысленно уставился на ободранную стену. Тут же в него вцепились со всех сторон:

– Что, что, что может быть?!

– Мы ведь не меняли замки при ремонте... – медленно выговорил Пашка. – Здешний дед, Скобин, так за свое барахло тряся, что на двери самые крутые замки поставил! Врезная щеколда с тремя блоками и сверху еще кнопочный замок итальянский. Никакой сигнализации не требуется! И решетки на окнах такие, что слон не пробьет! С внутренним замком! Мы с пацанами посмотрели и решили, что нам ничего лучше и не надо. Хозяева американские нам свои ключи прислали, сказали, что больше их ни у кого нет... Ну и все!

– Значит, у кого-то все-таки они были! – уверенно сказал Атаманов. – Если замки навороченные, то их просто так шпилькой не откроешь. Да еще чтобы ни одной царапинки...

– Завтра же поменяю, – мрачно решил Пашка. – Будет тут всякая шпана шлаться как к себе домой, стены портить! Мы за эти компы еще банку пятьдесят кусков должны! И, главное, что этому гаду нужно было? На дверцу эту несчастную полюбоваться?! Которая без ручки даже?! Еще и грязи нанес, как свинья последняя!

– А у входа, между прочим, грязи никакой нет, – пожал плечами Белка. – Только от дверцы к окну. Пашка, может быть, он горшок с цветами опрокинул и землей все уляпал?

– Нет у меня никаких цветов! – завопил Пашка. – Только Финогеныч!

– Господи, кто это? – испугалась Белка.

– Кактус! Макс у него Надежда на новоселье подарила! Вон стоит, жив-здоров! – Пашка кивнул на соседний стол, где из крошечного горшочка жизнерадостно топорщился колючками Финогеныч. Земля в его горшочке действительно была на месте.

– А куда эта дверца ведет? – вдруг задумчиво спросила Соня, проводя по косяку ногтем. – К соседям?

– Куда же еще? – пожал плечами Пашка. – Тут же раньше коммуналка была, а еще до этого – купеческий дом! То есть весь особняк целиком принадлежал купцам Скобиным! И, понятное дело, комнаты между собой сообщались! А потом, когда дом между разными семьями поделили, то дверцу заложили! И забыли про нее, наверное! Обои в восемь слоев наклеены были, мы с Максом при ремонте посчитали! Значит, с самой революции эту дверь никто не трогал!

– Ни фига, – вдруг возразил Батон, – вы с пацанами в соседней комнате обои обдирали! А в этой – как раз мы, еще до того, как вы приехали. Верно, Атаман? Здесь же еще шкаф с книгами стоял, который на Полундру грохнулся! Мы все это Солу Борисычу отдали и обои содрали до вашего прихода! Я их сам на помойку выносил! И не было там никаких восьми слоев! По-моему, всего один... а под ним газеты какие-то. Еще дореволюционные, с твердыми знаками всякими на концах!

– Факт! – подтвердила и Полундра. – Мало обоев было! Андрюха один их выносил, никто не помогал! Значит, было не очень тяжело! А другие стены мы ободрать не успели! Потому что ты приехал и сказал, что мы больше не нужны!

– Та-а-ак... – Пашка уселся в офисное кресло и задумчиво крутанулся в нем. – Спрашивается – почему в квартире одна комната оклеена в восемь слоев, а в другой с самой революции ремонта не было?

– Может, в этих комнатах разные люди жили? – предположила Белка.

– Одна семья жила! Скобины наши! Им две комнаты от всего дома остались, и они никуда отсюда не уезжали!

– Да не важно это все! – нетерпеливо вставила Полундра. – Главное, что дверь всего одной обоиной была оклеена! Значит... пользовались ею, что ли, время от времени?..

– Зачем, господи?! – всплеснула руками Соня. – Соседей по ночам пугать?! Как можно пользоваться дверью без ручки, ведущей в соседнюю квартиру?

– А что там, кстати, за соседи? – спросил Атаманов.

– Не знаю, – проворчал Пашка. – Какая-то бабка, наверное, глухая.

– Почему глухая?

– Потому что, когда мы ремонт делали, здесь неделю все стены тряслись! С восьми утра до десяти вечера! И перфоратор, и молотками стучали, и бензопила... И хоть бы раз кто-то зашел на шум пожаловаться! Сверху, из турфирмы, раз пять спускались – ныли, что у них от нашего шума клиенты подпрыгивают! А за стенкой никто не возмущался! Мы и подумали: или там вообще никто не живет, или старики глухие обретаются.

– Вряд ли глухая старушка будет по ночам лазить к соседу в гости, – подытожила Соня. – И в грязных ботинках. Да еще шкаф при этом отодвигать. Дверца-то еще была загорожена шкафом с книгами! Нет... скорее всего, этот проход так никем и не использовался. Просто незачем!

– Но ключи-то от квартиры все-таки у кого-то были! – напомнила Белка. – Американские хозяева могли про это и не знать. Дед этот, Скобин, жил один, мог кому угодно ключи дать. Может, к нему кто-то убираться приходил или в аптеку сбежать...

– Как это теперь узнаешь? – отмахнулся Пашка, вставая с кресла. – В общем, я завтра меняю замки, и все! Нечего тут кому попало болтаться и имущество портить! Вы, шелупонь, езжайте домой, а я пойду новый замок куплю.

– Не забудь надеть, – кивнула Соня на висящую на спинке кресла камуфляжную куртку. – Погода портится.

– Это не моя, – отмахнулся Пашка. – Я свою в машине оставил.

– А чья же? – удивилась Соня. Пашка вместо ответа снял куртку со спинки кресла, повертел в руках, накинул себе на плечи:

– Мне она мала!

– Может, кто-то из твоих друзей забыл?

– Соня! Еще вчера ее здесь не было! Та-а-ак... – Пашка сел обратно в кресло и тяжело вздохнул: – Да что ж это здесь у нас за двор за проходной?!

– Посмотри в карманах – может, там что-то есть? – посоветовала Соня. – Документы, деньги, ключи?..

Пашка послушно сунул руку в карман камуфляжной куртки – и извлек оттуда сложенный лист бумаги.

Бумага была старая, обтрепанная по краям, сплошь исписанная косым тонким почерком, который почти нельзя было разобрать. Пашка развернул листок, и из него выпала открытка – тоже старая, с тремя девушками-физкультурницами в черных купальниках. Девушки стояли обнявшись и весело махали кому-то. А в углу... красовался темный силуэт байкера на мотоцикле. С летящими из-под колес брызгами грязи в виде мелких коричневых пятнышек.

– Господи... – пробормотала Юлька. – Это что же... Это из нашего конверта, что ли?..

Конверт, утром найденный Полундрой под собственной кроватью, немедленно пошел по рукам. Сразу стало видно, что адрес на конверте и полустертые строки письма были написаны одним и тем же почерком. Полундра, размахивая руками, торопливо объясняла Пашке и Соне:

– Говорю же – нашла у себя под койкой! Чуть не выбросила! Мы еще думали – из кого такое вывалиться могло? А Натэлка говорит, что конверт совсем старинный, у ее бабушки такие есть! Получается, что эта открытка с письмом как раз в этом конверте и лежали – пятна-то совпадают! Для какого-то Отшешцкого И.Я.! Из Москвы!

– Только ни слова в этом письме разобрать нельзя, – проворчал Атаманов. – Все на фиг стерто...

– А на открытке вообще ни слова не написано! – заметила Белка. – Одна только кривулька какая-то нарисована!

– На рогатку похожа! – хихикнула Полундра, глядя на чернильный рисунок, украшавший обратную сторону открытки. Начерченная схема действительно напоминала вытянутую рогатку с чрезмерно длинной рукояткой и разного размера рогулинами. У концов рогулин и вдоль всей ручки были изображены кружки, подписанные буквами. Недоуменно повертев открытку в руках, Полундра передала ее Атаманову, тот – Батону. Последний же, взглянув на рисунок, уверенно сказал:

– Ничего особенного. Созвездие Рака.

– Чего?..

– Созвездие Рака, говорю, – важно пояснил Батон, проводя пальцем по «рогатке». – Видишь, это – туловище с хвостом, а это – клешни. И даже главные звезды подписаны! «А-б.» – это Акубенс, альфа Рака, самая яркая звезда. Только почему-то она здесь на левой клешне, а не на правой. Это – гамма и дельта, Ослята...

– Кто?! – фыркнула Полундра. – Какие ослята? Лепишь ты все, Батон!

Но все остальные с уважением покачали головами. В вопросах небесных тел и созвездий Батону вполне можно было доверять. Он заинтересовался звездным небом с тех пор, как познакомился с мулаткой Терезой. Тереза увлекалась астрологией, знала все знаки Зодиака и могла составить гороскоп любой степени сложности. Тайна влияния звезд на судьбу человека Батона не особенно интересовала, но загадочный мир космоса увлек его всерьез. Теперь в сумке у Андрюхи всегда можно было найти «Звездный справочник» и «Каталог созвездий Северного полушария», в Планетарий Батон ездил как в гости к бабушке и в два счета мог объяснить, что такое «альфа Центавра» и «скопление малых галактических тел». На свой день рождения Батон уже заказал родителям настоящий телескоп и всю мечтал о том, как он уста-

новит прибор на крыше дедовского дома в Михеево и будет по ночам наблюдать за кружением небесных светил. Вот и сейчас Андрей вытащил из сумки «Звездный справочник» и быстро нашел нужную страницу:

– Вот, смотрите сами! Вот созвездие Рака! И прямо на нем главные звезды отмечены! Смотри, Полундра, вот Южный Осленок, а вот Северный Осленок!

– А на открытке не так! – упрямо сказала Юлька. – Здесь сначала «С.о.», а потом уже – «Ю.о.»! А внизу еще какая-то «К.п.»! О, я знаю, это Каппа! Смотри, какие вокруг нее лучики нарисованы! Самая главная звезда, наверное!

– Не может быть Южный Осленок под Северным! – рассердился Батон. – Смотри в справочник! Сначала – Южный, потом – Северный! А Каппы в созвездии Рака вообще нет! Ничего он в астрономии не петрил, этот ваш Отещеский!

– Отещеский-то, может, как раз и петрил, – задумчиво сказал Пашка, вертя открытку. – Это ведь не он рисовал, а, наоборот, ему послали... зачем-то. Спрашивается – на кой черт Отещескому И.Я. нужно было неправильно изображенное созвездие Рака?

– Батон, а оно в каком году было открыто, созвездие-то? – шепотом спросила Белка. – Может быть, его только-только на небе нашли и еще не знали, как правильно рисовать всех этих твоих... ну... Осят?

Батон сердито проворчал, что Рак – зодиакальное созвездие и известно с незапамятных времен вместе со всеми его большими и малыми звездами. А если кто-то не умеет правильно чертить схему созвездия – то незачем было и позориться.

– Каппу какую-то выдумал у Рака на хвосте, придурок... Акубенс не на той клешне... – брюзжал астроном Батон. – Каппа – десятая буква греческого алфавита! Значит, должна обозначать десятую яркую звезду! А этих ярких звезд во всем Раке всего четыре – альфа, бета, гамма и дельта! Главная – альфа, Акубенс, которую он не с той стороны обозначил! Потом два Осленка и еще бета! Которую он вообще неправильно подписал! Что это еще за «Б. (Ю.)п.»?! Бета она и есть бета, без всяких «Ю.» и «П.»! Недоумок какой-то... Только и хватило мозгов – в чужом офисе насвинячить!

Вечером все собрались у Натэлы. В квартире было пусто: лишь в дальней комнате отдыхала перед вечерним спектаклем Натэлина бабушка, знаменитая актриса Нино Мтварадзе. На столе лежали желтый конверт, письмо и открытка с физкультурницами. Пашка, порывшись в Интернете, подтвердил, что открытка была выпущена в тридцать пятом году, но это ни на шаг не продвинуло всю компанию к разгадке тайны. Полундра, расхаживая по комнате, в который раз вспоминала:

– Ведь целая толпа народу у нас вчера была – не повернуться! И мои гости, и дедовы! И у кого могло такое оказаться? У наших, из класса, точно нет! У дедовых курсантов, скорей всего, тоже! У родственников тем более!

– Какие-то стариканы вчера у деда сидели, – вспомнил Пашка, не отрывая взгляда от светящегося экрана своего айпэда. – Натэла им еще кофе в кабинет носила...

– Надо вечером, когда дед вернется, спросить, – постановила Юлька. – Наверняка это их письмо... стариканов. Тридцать пятый год – это же с ума сойти как давно!

– А как долго они сидели? – вдруг спросила Соня.

– Допоздна! – пожала плечами Полундра. – Уже наши все разошлись, а они там все про политику перетирали... Пашка, правда ведь? Уже почти час ночи было!

– Тогда не вяжется, – Соня озабоченно потерла лоб. – Получается, что один из этих дедушек был здесь у Игоря Петровича на дне рождения, сидел вместе со всеми до часу ночи, потерял конверт... почему-то в Юлькиной комнате... А потом еще сразу отсюда отправился взламывать Пашкин офис?! И забыл на кресле свою куртку? И убежал потом через окно, даже ноги не вытерев?

– Клевый дедан! – восхитился Атаманов. – Какой-нибудь вор в законе бывший!

– Наш дед с такими не общается! – обиделась Полундра. – У него все друзья приличные! И вообще, не старикановское это дело – офисы громить!

– Все равно этих стариков-разбойников нужно проверить! – решил Пашка. – Обязательно у деда спросим!

– Вопрос следующий, – Полундра села на подоконник, – откуда у вора ключи от офиса? Вообще-то старый хозяин мог дать их кому угодно. Только теперь это никак не узнаешь.

– Надо трясти соседей! – провозгласил Батон. – Эти бабки всегда все про всех знают! Еще мотоцикл из гаража вывести не успеешь – а они уже матери звонят и ябедничают, что мы с жутким треском по двору гоняем! Голубей ихних пугаем, видите ли, кушать птичкам спокойно не даем! А эти голуби уже как индюки призовые стали – еле летают! Все подоконники обгадили...

Полундра, у которой тоже был зуб на бдительных дворовых старушек, солидно покивала.

– К соседям действительно сходить не мешало бы, – согласилась Соня. – Если ни разу за время ремонта жаловаться не пришли – значит, порядочные и понимающие люди.

– Все-таки странно... – пожала плечами Белка. – В турфирме на втором этаже рабочий день всего-то с десяти до шести – и то их грохот достал! А прямо за стеной люди живут, у них над ухом перфоратор гремит – и они хоть бы раз пришли повозмущаться! Нет... там или глухие, или ненормальные!

– Выясним! – уверенно пообещала Полундра.

– Как? – ехидно спросил Атаманов. – Позвонишь им завтра в дверь и скажешь: здрасте, это мы вам по мозгам перфоратором полмесяца стучали! Случайно, не знаете, кому прежний хозяин ключи давал? Тебя пошлют далеко-далеко, и будут правы!

Юлька насупилась: Серега был прав.

– Лучше будет, если Пашка сам сходит, – предложила Соня. – У него, когда он хочет, очень приличный вид бывает. Кого угодно может ввести в заблуждение. Сейчас для любой перестройки в квартире нужно кучу разрешений иметь... Можно зайти к соседям и сказать – так и так, хотим перегородку снести, вы не против? И, пока они подписывают твою бумажку, спрашивать о чем угодно.

– Королева моя, в тебе пропадает великая авантюристка! – сообщил Пашка. – Прямо завтра так и сделаем!

Соня только отмахнулась. Помолчав, спросила:

– Зачем этому взломщику вообще понадобилось приходить на день рождения к Юле? Или к Игорю Петровичу? Если он был здесь – значит, он знакомый или Юли, или ее деда, так?

– Так... – растерянно подтвердила Полундра. – Но тут же вчера человек шестьдесят народу было вместе с родственниками! Всех проверять, что ли, теперь? И как?!

– Мы можем в школе завтра спросить у девчонок, не теряли ли они старинный конверт в квартире, – неуверенно предложила Белка. – А ты спросишь у пацанов на своем карате...

– Если эти пацаны потом взломали Пашкин офис – они в жизни не расколются! – хмыкнул Атаманов. – Я бы на их месте – точно...

– Мне кажется, пацаны тут ни при чем, – задумалась Соня. – Но список всех гостей нужно прошерстить. Вспомнить буквально каждого человека. А значит, придется привлечь Игоря Петровича. Уж он-то должен помнить, кого он приглашал! А пока что, Юля, начнем с тебя. Садись и вспоминай, кого ты пригласила. И кто из гостей мог знать, что у Пашки на Солянке есть офис.

Полундра тяжело вздохнула. Но затем вспомнила любимую фразу агента Тайгера: «Если у тебя нет терпения – иди в разносчики пиццы, а не в детективы!» – раскрыла чистую тетрадку и взяла ручку:

– Значит, пишем по порядку: тетя Рая из Подольска. Дочери – Аня и Галя. Галка привела своего парня, я с ним сто лет знакома, Галя за него замуж летом выходит. Он неделю как из армии вернулся, с Пашкой только на дне рождения и познакомился. Про офис на Солянке вообще ничего не знает. Это, значит, четверо, потом...

Через час четыре листа тетрадки были покрыты старательными каракулями. Полундра с братом перечислили всех присутствовавших родственников, прикинули причины, по которым те могли забраться в Пашкин офис... и не нашли ни одной. Также Юлька вспомнила всех своих друзей и после усиленного напряжения памяти уверенно заявила, что никто из ее приятелей по школе и секции карате вообще не знал о бизнесе брата.

В это время в прихожей раздался звонок, и Натэла побежала открывать. Через минуту вместе с ней в гостиную вошел генерал Полторецкий.

– Юлия! Что это значит? На всю улицу слышно, как ты кричишь в чужой квартире, что тетя Марьяна ничего в Пашкиных делах не понимает и панели из стены вынимать не умеет! По-моему, ты заблуждаешься. Во-первых, наша Марьяна, если ей нужно, не только панель, но и душу вынет из кого угодно! Вспомни, как она своего сына устраивала в университет! Во-вторых – зачем об этом знать всему двору? Баба Фима из третьего подъезда, по-моему, уже за тобой записывает! И кроме того, ты мешаешь Нино Вахтанговне отдыхать перед спектаклем!

– Делать больше нечего твоей бабе Фиме! Лучше б сериалы про любовь смотрела! – фыркнула Юлька. – Я что, виновата, что у меня голос военный?! Дед, ну их, этих бабок! Послушай лучше, что у нас случилось!

Выслушав внучку, старый генерал, крикнув, уселся в глубокое кресло и принялся вспоминать. Он обстоятельно перечислил своих знакомых по Академии и по историческому обществу «Ветер времени», которые вчера были у него в гостях. Все эти почтенные люди знать не знали о деятельности старшего внука Полторецкого. Кроме того, в гости к генералу зашли с поздравлениями несколько его курсантов. Игорь Петрович назвал каждого.

– Саша Парамонов, высокий блондин со шрамом. Ему очень понравилась наша Соня. Павел, не строй такую зверскую рожу, Соня на корню пресекла все его ухаживания! Я видел сам! Потом Сергей Зимин, невысокий, очень коротко стриженный... Братья Степуновы, одинаковые, как пятаки... вечно друг за друга сдают экзамены, а я так и не научился их различать! И Ваня Маремьянко. Очень приметный, рыжий, как Юля. Он один пришел в штатском костюме, потому что мать постирала его форму. И больше никого!

– Как – только один в штатском? – вдруг спросила Натэла. – А такой загорелый брюнет? На Георгия Саакадзе похожий?

– На кого?! На президента Грузии?! – поразились Соня.

– Президентом был Саакашвили, девочка моя! – послышался от двери красивый, чуть хрипловатый голос, и в гостиную величественно вплыла бабушка Нино. – А Георгий Саакадзе – великий грузинский полководец шестнадцатого века! Он освобождал страну от персов! Национальный герой, про него написано множество книг и исследований! Я однажды играла на сцене его жену, царицу Марех...

– ...и у нас весь дом был завален материалами и портретами! – подтвердила Натэла.

– Один из ваших курсантов, Игорь Петрович, действительно очень похож на Саакадзе, – улыбнулась Нино Вахтанговна. – Я весь вечер любовалась на это породистое лицо. И удивлялась, кстати, почему он не в форме, которая бы ему очень пошла!

– Но без формы был только Иван Маремьянко! – напомнил старый генерал. – И он ничуть не похож на грузинского полководца! У него абсолютно славянский типаж!

– Этого юношу я помню, ничего интересного! – отмахнулась старая актриса. – Натико, ты ведь со мной согласна? А вот второй...

– Нино Вахтанговна, Натэла, вы что-то путаете, – уверенно сказал генерал. – Я убежден, что в штатском был только Маремьянко, и то по уважительной причине. Если бы еще кто-то

из моих пришел без формы, я бы запомнил наверняка! Курсанты Военной академии не носят в городе штатскую одежду, это считается дурным тоном. Кроме того, я сам приглашал ребят и уверен – никакого смуглого брюнета среди них нет! Нино, это, случайно, не ваш дальний родственник?

– Как я могу не узнать своего собственного родственника?! – поразились Нино Вахтанговна. – До глубокого маразма мне, надеюсь, еще далеко!

После четверти часа криков, споров и воплей выяснилось, что высокий смуглый парень, похожий на средневекового грузинского полководца, никому из собравшихся не знаком.

– Конечно я его видел! – пожимал плечами генерал Полторецкий. – Но я был уверен, что это знакомый Юли или Павла! Ему лет двадцать на вид, очень интеллигентное лицо...

– И я видела! – вопила Юлька. – И подумала, что это Натэлин брат! Или дядя! Или племянник!

– А я думал – дедов курсант... – Пашка озадаченно чесал затылок. – Ну и дела-а... Как, оказывается, легко в чужую квартиру протыриться!

Неожиданно Батон, до этого спокойно поедавший за столом Натэлино ореховое печенье, заорал так, что замигала лампа:

– А-а-а! Атаман! Полундра! Пашка! Я его встретил у подъезда!!! Этого вашего «Саа-кадзе»! Когда за хлебом бегал! Точно – стоял такой! На ваши окна смотрел! Еще спросил меня, что там за праздник – свадьба, что ли? Я сказал, что не свадьба, а днюха у Полторецких... ну и дальше побежал! Меня там Терезка у метро дожидалась! И еще... – тут Батон умолк, вытаращил глаза и драматическим шепотом закончил: – И на нем, кажется... была камуфляжная куртка!

Наступила тишина. Все сосредоточенно переваривали информацию.

– А ПОТОМ ты этого, в камуфляже, видел в квартире? – спросил Пашка.

– Потом?... – растерялся Андрей. – Потом, кажется, нет!

– Понятно, ты как уселся между тортом и Терезкой, так больше и не вставал! – съязвила Полундра. – А зачем, если все главное под рукой?

– Нет, Полундра, я тебе щас наваляю! – разозлился Батон. – Игорь Петрович, ну чего она?!

– Шелупонь, замолчите, – серьезно сказал Пашка. – Похоже, этот пацан специально старался Андрюхе на глаза не попадаться. Ведь, когда они у подъезда столкнулись, наш «Саа-кадзе» еще не знал, что Батон через полчаса в эту квартиру вернется и запросто может там его узнать и спросить, что он тут делает! Так или нет?!

– Да-а-а...

– Значит, этот парень нарочно от Андрюхи прятался! Тем более что было где – квартира огромная и толпа народу в каждой комнате!

– Синьор из общества... – усмехнулась бабушка Нинико.

– Кто-кто?! – поразились Полундра. – Из какого общества, Нино Вахтанговна?! Из тайного?!

– Была такая итальянская комедия: «Моя профессия – синьор из общества»³, – поведала старая актриса. – Там главный герой – бедный неаполитанский жулик. Он живет тем, что ходит по чужим свадьбам, где его никто не знает: родственники жениха уверены, что он родственник невесты, а родня невесты – что жениха... И, пока все выяснится, он успевает как следует наесться за свадебным столом. Боюсь, что наш юноша – такой же «синьор из общества».

– Но для чего парню проникать на чужой праздник? – удивился генерал. – Он не походил на голодного... да, кажется, и за стол-то не садился.

---

³ Пьеса Джулио Скарначчи и Ренцо Тарабузи. Экранизирована на Одесской киностудии в 1986 году под названием «Миллион в брачной корзине».

– Может, он украл что-то?! – ахнула Полундра. – Дед! Пойдем посмотрим – твои ордена на месте?!

– На месте. Я бы заметил, – успокоил внучку Игорь Петрович.

– Возможно, наводчик? – нервно предположила Соня. – Знаете, как бывает: воры сначала засылают в квартиру одного, чтобы убедиться – стоит ли грабить... Игорь Петрович, может быть, все-таки заявить в полицию?

– У нас совершенно нечего красть, – усмехнулся генерал. – У меня есть несколько ценных книг по истории... но это, пожалуй, и все.

– А книги не пропали?

– Они все стоят на видном месте в шкафу, я бы сразу обратил внимание, если бы они исчезли. Нет, боюсь, тут что-то другое. Но что?..

– Молодому человеку нужно было любой ценой проникнуть в квартиру Полторецких, – медленно сказала Соня. – Кстати, сразу же после этого он поехал на Солянку и забрался в Пашкин офис! При чем открыл его своими ключами!

– А вдруг это вовсе не он? – робко вступилась Натэла за «Георгия Саакадзе».

– Других подозреваемых у нас пока нет, – пожала плечами Соня. – И, кажется, этот парень все-таки не вор. Ни из вашей квартиры, ни из Пашкиного офиса он ничего не взял. Наоборот, потерял. В квартире – конверт, в офисе – куртку с письмом и открыткой.

– Мог бы, между прочим, поставить на место панель и стол назад придвинуть! И запереть за собой дверь, а не тикать через окно в грязных ботинках! – ворчливо заметил Пашка. – Я бы на его месте так и сделал. Тогда бы мы вообще ничего не заметили. Что у него – времени не хватило?

– Может быть, он собирался, но кто-то его спугнул? – азартно предположила Полундра. – На лестнице там шаги слышались, или...

– Но что же такого привлекательного было для него у Полторецких? – задумчиво спросила старая актриса. – И как это теперь узнать? И какая странная открытка... И письмо, в котором не разобрать ни строчки...

– А на конверте весь адрес пятном закрыт, – огорченно подтвердила Натэла. – Мы уже всякому пытались разобрать – ничего не получается. Только и понятно: Москва, Отешецкий. Игорь Петрович, может, вы такого знаете?

Но старый генерал заявил, что знакомых с такой фамилией у него не имеется.

Среди ночи Юльку разбудил звон разбитого стекла. Полундра подскочила в постели, кинула безумный взгляд на светящиеся часы и сипло спросила:

– Пашка, ты сдурел?! Что ты там раскокал?! Второй час ночи!

На столе голубел экран компьютера. Пахло кофе. Пашка в трусах и майке, шепотом ругаясь, собирал с пола осколки чашки.

– Тряпку принеси, раз проснулась! – не оборачиваясь, велел он.

Полундра сползла с постели и, шатаясь, пошлепала в ванную.

Вдвоем они кое-как подтерли кофейную лужу на полу и вывели остатки осколков. После чего Пашка ворчливо поведаль:

– У меня айпад разрядился, и я к тебе пришел, в Сеть залезть. Кофе вот сварил. А у тебя из полки всегда какая-то книжка торчала, на которую я чашку ставил... раньше. Ну и сейчас поставил. А книжка эта, оказывается, уже не торчит. Я чашкой и промахнулся... Ты что, на полке порядок навела наконец-то?

Полундре и в голову не приходило заниматься таким дурацким делом. Она включила лампу, и Пашка воочию убедился, что на книжной полке сестры царит привычный кавардак из учебников, детективов, растрепанных тетрадей и комиксов про агента Тайгера.

– А на что же я тогда кофе раньше ставил? – озадачился Пашка, разглядывая яркие обложки комиксов. – Ведь так удобно торчало... Книжка какая-то большая... или папка... Куда ты ее дела, старуха?!

Вместо ответа Юлька вдруг тихо ахнула и села мимо кровати на пол:

– Пашка! Ой! Пашка! Это, кажется... это, кажется, папка торчала... Которую я из скобинской квартиры взяла!

– Какая еще папка? – удивился старший брат. – Зачем она тебе вообще понадобилась? Я думал, вы тогда выбросили все!

– Мы и выбросили! Я ее в рюкзак сунула, чтоб она Сол Борисычу на глаза не попала! Мы ведь об нее ноги вытирали, а он же больной до этих бумажек древних! Хотела по дороге выкинуть, забыла... ну и засунула дома на полку! Прямо поверх книжек, по-другому она не лезла! А ты, оказывается, на нее приспособился кофе ставить! А теперь...

– А теперь ее нет, – медленно сказал Пашка, глядя на пустое место на полке. – Юлька... не за ней ли наш «Георгий Саакадзе» приходил?

Полундра ошалело молчала. Потом запустила обе руки во встрепанные волосы и сказала:

– Почему к нам? Почему не к Сол Борисычу? Ведь все ценные книги он к себе увез!

– Значит, книги вору не нужны были. А нужна была та папка.

– Да в ней же одни грязные бумажки были! Что в них интересного?

– Значит, было что-то, – без улыбки сказал Пашка. – Раз он рискнул за ними в чужую квартиру влезть. Вопрос: как он вообще узнал, что эта папка здесь?

– Не знаю. Я никому не говорила. Даже наши, по-моему, не знали... – Юлька забежала из угла в угол. – Ну да, я ее засунула в рюкзак, чтобы выбросить, никто и внимания не обратил... Она еще еле запихалась, наружу торчала!

– Торчала, говоришь? – Пашка нахмурился. – Значит, вор мог увидеть, что ты ее вынесла. Значит, в тот день он где-то рядом был. Может, возле квартиры, возле подъезда... Вы не видели?

– Пашка, мы ничего не видели, – честно ответила Полундра. – Мы торопились, чтоб в кино успеть. Мало ли кто там возле подъезда тусовался... Теперь-то как узнаешь? И на фиг человеку понадобились старые бумажечки? Если они такие уж ценные были – почему он их теряет повсюду? У нас – конверт, в офисе – письмо с открыткой...

Пашка только пожал плечами. Юлька, помолчав, шепотом сказала:

– Как хочешь – первым делом завтра выясни, что там за соседи за стеной! К которым дверца ведет! Может, у вас там взвод гангстеров засел, а вы с пацанами и не знаете! Тоже мне, «корсары»!

На следующий день, после обеда, в офисе фирмы «Сетевые корсары» ругались Пашка и Соня:

– Королева моя, я тебя все равно к соседям одну не пущу! Может быть, там бандиты обитают! Или психи какие-нибудь!

– Во-первых, Полторецкий, я в твоём разрешении не нуждаюсь! Я хожу куда хочу, без твоей письменной санкции! Во-вторых – зачем нам вваливаться к соседям вдвоем? Только зря людей напугаем! Тем более если там глухая бабулька!

– А если не бабулька, а шизик с автоматом Калашникова?! Который никого не слышит, кроме зеленых человечков, которые у него в голове в футбол играют?!

– Тогда я скажу, что ошиблась квартирой! Мне скорей поверят, чем тебе! У тебя ужасно наглый вид, это возбуждающе действует на параноиков! И вообще, Полторецкий...

Высказаться Соня не успела: в дверь позвонили. В офис вошли двое молодых людей в спецовках. Один из них восхищенно уставился на Соню, которая сердито приглаживала перед зеркалом облако черных кудрей, а другой повернулся к Пашке:

– Фирма «Агент 007», замки менять! Делали заявку?

– Делали, ребята, проходите, начинайте. – Пашка недобро покосился на рабочего, который не мог отвести глаз от Сони. – Сонечка, звезда моя, ИДИ ОТСЮДА! Быстрей-быстрей, ты уже опаздываешь! А ты, «ноль-ноль-семь», закрой рот! Ты работать сюда пришел или чужих девушек разглядывать?! Джеймс Бонд фигов!

Стараясь не рассмеяться, Соня выскользнула за дверь офиса.

Стоя на тротуаре у подъезда, она удивленно смотрела на окна. Форточка квартиры на первом этаже была открыта. Из нее доносился отчаянный детский рев. Глухой старушкой там явно и не пахло. Поколебавшись, Соня все же решила зайти.

Дверь открылась сразу же после звонка. За ней оказалась девочка лет семи, до ушей перемазанная кашей.

– Почему ты открываешь дверь, не спросив, кто там? – строго сказала Соня. – Взрослые дома есть?

Девочка завопила в глубину квартиры, перекрикивая детский плач:

– Мама-а-а-а! Это тебя!

Послышалось шлепанье босых ног. В коридор выбежала растрепанная молодая женщина в кое-как запахнутом халате. На руках у нее верещал младенец.

– Вы из турфирмы?! – и, не дожидаясь ответа озадаченной Сони, женщина раскричалась на всю лестничную клетку: – Ну сколько можно сюда ходить?! Что я могу поделывать?! Он маленький, у него животик болит! До десяти вечера имеем право шуметь! Хоть участкового вызывайте, хоть пожарных! Могу вам справку от педиатра показать! Что я с ним могу поделывать – удушить, что ли?! Вот вырастет – тогда и будет вам тишина! Я сама уже неделю не сплю, чего вы от меня хотите?! Все утро до туалета дойти не могу, с рук его спустить, а вы...

Ее крики прервало отчаянное шипение на кухне.

– Мам, молоко убежало! – объявила девочка.

– О господи-и... – простонала женщина, и стало очевидно, что молодая мать сейчас расплачется. «Какое счастье, что Полторецкий сюда не пошел!» – подумала Соня. Вслух же она сказала: – Если хотите, я подержу маленького, а вы там на кухне... поймайте молоко. И в туалет сходите.

– О-о, спасибо огромное! – обрадовалась женщина. – Вы минуту продержитесь? Аня, принеси тете стул! Я сейчас, сию минуту!

Она исчезла на кухне. Аня приволокла табуретку, бухнула ее на пол и уставилась на Соню. Младенец орал как резаный.

– Пожалуйста, потише, – испуганно попросила его Соня, наспех вспоминая, как нужно обращаться с маленькими детьми. Опыта в этом деле у нее не было никакого.

– Может, ему спеть? – неуверенно спросила Соня у девочки. – Мама ему поет?

– Не... говорит, что не умеет, – шмыгнула носом Аня.

– Уж вечер, облаков померкнули края... – вполголоса начала Соня первое, что пришло ей в голову: дуэт Полины и Лизы из оперы «Пиковая дама». – Последний луч зари на башнях догорает...

Внезапно наступила тишина. Младенец умолк. Из-под чепчика на Соню смотрели огромные синие заплаканные глаза. Аня тихо ахнула. Приободрившись, Соня профессионально взяла дыхание и продолжила:

– Последняя в реке блестящая струя

С потухшим небом угаса-а-ает...

Через двадцать минут в квартире царили тишина и покой. Малыш, которому поменяли памперс, спал в кроватке спокойным и мирным сном. Соня, стоя у кроватки, заканчивала арию Татьяны из «Евгения Онегина»:

– Пускай погибну я, но прежде

Я в ослепительной надежде

Блаженство новое зову-у-у... Катя, Катя, он спит!

– Слава богу! – в дверях показалось счастливое лицо хозяйки квартиры. – О-о, Соня, какое же вам спасибо! Мне в голову не приходило, что от ЭТОГО можно заснуть!!! Что это вы пели? Оперу? Вы певица?! Настоящая, из театра?!

– Просто студентка консерватории, – скромно сказала Соня. – И с моей стороны это ужасное нахальство – браться за арию Татьяны! У меня незрелый голос, и совсем не та тональность, и контральто, а там нужно колоратурное сопрано... или хотя бы лирическое!

– Господи, да какая разница?! – всплеснула руками Катя. – Артемка же ЗАСНУЛ! Понимаете – сразу заснул! А я с ним уже неделю мучаюсь! Никакое укачивание не помогало!

– И вы ни разу не попробовали спеть?! – поразила Соня, проходя за хозяйкой на кухню.

– Но я же не умею! У меня ни голоса, ни слуха! Когда я петь пробую, Артемка еще сильнее орать начинает! От страха, наверное... А у вас так здорово получается!

– Попробуйте ставить ему диски, – предложила Соня. – Вот, смотрите, у меня есть в сумочке... «Неаполитанские песни» и «Арии из популярных опер». Может быть, из Артемки вырастет знаменитый тенор!

– Знаменитый бандит из него вырастет! – убежденно сказала Катя, торопливо моя посуду в раковине. – У меня уже сейчас из-за него крыша едет! Анька в этом возрасте ребенок как ребенок была, от телевизора в две минуты засыпала, а этот...

– Повышенная нервная возбудимость – признак артистической натуры, – улыбнулась Соня. – Я уверена – Артемка станет музыкантом! Вы еще гордиться будете!

– Если доживу... – вздохнула измученная мать будущей знаменитости. – Вы меня простите ради бога, что я так на вас накинулась в дверях... Но просто уже никаких сил нету! А эти, из турфирмы наверху, как будто вообще ничего не понимают! Или у них ни у кого своих детей нет?... Ходят без конца и жалуются: «Успокойте своего ребенка, он нам не дает нормально с клиентами общаться! Мы из-за него телефонных звонков не слышим!» Если такие нежные, то нужно было свою контору заводить не в жилом доме, а в офисном центре! Что я могу с ребенком-то поделать? Вот за стенкой сосед – тот просто золото был! Никогда не жаловался! И сам не шумел! Как жаль, что он умер... И эти, новые, въехали, компьютерщики какие-то... тоже очень порядочные! Ремонт делали – так хоть бы раз мне детей разбудили! Вообще ничего не было слышно!

– Катя, а вы уверены? – осторожно спросила Соня. – Дело в том, что я как раз из этой компьютерной фирмы... секретарша босса... Наоборот, мы очень боялись, что замучили своим ремонтом всех соседей! И к нам тоже приходили ругаться из этой турфирмы, им очень мешал шум!

– Правда?! – поразила Катя. – А у нас совсем ничего не было слышно! Вот это да! Как такое может быть?

– В самом деле... – только сейчас Соня подумала о том, что и у Пашки в офисе ни разу не было слышно Артемкиного рева. – Надо же, какая странная звукоизоляция в этом доме... А вы давно здесь живете? Всех соседей знаете? Я потому спрашиваю, что у нас после ремонта остались вещи прежних хозяев. И мы боимся выбросить, потому что это старинные книги. Может быть, в Москве остался кто-то из родственников?..

– Все за границей, – уверенно сказала Катя, бухая на плиту кастрюлю с бульоном. – Боже мой, неужели получится суп сварить? Анька у меня неделю на одной китайской лапше, ничего больше не успеваю... Да и не любил Лев Венедиктович никаких родственников! Он, кажется, ученый был, историк или искусствовед. Последние дни к нему только Артур заходил, да и то...

– Артур? – заинтересованно переспросила Соня. – Значит, все-таки родственник имелся?

– Это не родственник, – Катя бросила в закипающий бульон ложку соли и принялась чистить картошку. – Я точно знаю, потому что однажды и к Скобину, и к нам зашли подписать какую-то бумагу – из домоуправления насчет замены труб. А Артур как раз был у Льва Венедиктовича и не стал ничего подписывать, потому что не имел права!

– А сам хозяин?..

– И Лев Венедиктович ничего не подписал. Сказал, что в домоуправлении одни жулики сидят и он им заработок обеспечивать не намерен. Тем более что старые трубы были очень даже хорошие! Мы вот с мужем послушались, дураки такие, поменяли – и теперь в ванной постоянно течет! Я уже замучилась тапки подставлять!

– Значит, этот Артур...

– ...просто какой-то мальчик! Может быть, студент... Совсем молодой, лет двадцать, наверное! Такой симпатичный, на красивого кавказца похож! Очень часто приходил, и Лев Венедиктыч всегда ему радовался! Скучал, наверное, один... Соня, вы, пожалуйста, пейте чай и печенье берите! Я без вас просто не знаю, что бы делала!

Соня взяла шоколадное печенье:

– Спасибо. Катя... а в последнее время вы этого Артура не видели?

– Нет. С тех пор как умер Лев Венедиктыч – ни разу. А зачем ему теперь приходиться?.. Ой! Ой! Кажется, Артемка просыпается! Соня, РАДИ БОГА! Я же только картошку начала чистить!!!

Из соседней комнаты послышалось недовольное попискивание, и Соня ринулась туда.

– Полторецкий, я никогда в жизни не заведу детей! – убежденно сказала она часом позже, обессиленно падая в офисное кресло. – Ни за что! И не проси! Даже речи не заводи! Если хочешь в дом младенца – придется тебе жениться на другой женщине! Девочки, Сергей, что тут смешного?

Компания Полундры, примчавшаяся на Солянку пять минут назад, тихо хихикала. Самой Юльки не было: она умчалась к метро сделать по просьбе брата ключи к новому замку. Требовалось четыре экземпляра: по одному для каждого из «корсаров» и один на всякий случай.

– Как прикажешь, королева моя! – согласился Пашка, не отводя глаз от монитора. – Без детей так без детей... И что тебя довело до таких мыслей?

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.